

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И РЕФОРМА СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В КИТАЕ (1979—1999 гг.)

Лариса Вячеславовна ЗАБРОВСКАЯ,
кандидат исторических наук

Первоначально идеи качественного обновления экономики были сформулированы китайским правительством на эмпирическом уровне — в виде лозунга так называемых «четырёх модернизаций» (в промышленности, сельском хозяйстве, науке и обороне). Этот лозунг взял на вооружение Хуа Гофэн — непосредственный преемник Мао Цзэдуна. Сходные мысли высказывал и Чжоу Эньлай еще в 1960-е гг. Главный инициатор китайских хозяйственных реформ Дэн Сяопин, пришедший к власти на рубеже 1970—1980-х гг., дополнил идею «четырёх модернизаций» концепцией «трех стратегических шагов». В ее рамках планировалось на первом этапе, т.е. к концу 1980-х гг., решить вопрос «тепла и сытости» («вэньбао») для широких слоев китайского населения. К концу второго этапа (2000 г.) страна должна была выйти на уровень «общества малого достатка» («сяокан»). Это конфуцианское понятие, широко используемое в современной китайской идеологии, в том числе некоммунистической, расшифровывается как «общество умеренной зажиточности и малого спокойствия». Количественными ориентирами построения общества «сяокан» должно было явиться учетверение общего объема ВВП и достижение уровня доходов каждого китайца отметки в 1000 дол. К концу третьего этапа (середина XXI в.) предполагается достигнуть показателей, характерных для высокоразвитых стран. Это будет означать, что модернизация китайской экономики в основном завершена.

В начале 2000-х гг. в правительственных кругах, местных органах власти и научных исследованиях очень высоко оценивались качество социальных преобразований и результаты реформ в сфере социального обеспечения населения, т.е. второй этап «трех стратегических шагов» был успешно пройден. Китайские лидеры в своих выступлениях подчеркивали возросший уровень жизни всех слоев населения, что, по всей видимости, подтверждало правильность выбранного курса социального развития страны и указывало на необходимость и жизненность социальных служб, которые прошли тернистый путь от уравнительного распределения социальной помощи к избирательному оказанию необходимой поддержки наиболее нуждающихся китайских граждан.

*Социалистическая система социального обеспечения
в 1950—1970-е гг.*

Китайская система социального обеспечения населения начала формироваться в 1950-х гг. В начальный период для нее были характерны следующие черты:

- достижение всеобщей занятости, что подразумевало трудоустройство населения в городах на государственных предприятиях, которые они не имели право самовольно оставлять. В деревнях крестьянам гарантировалась полная занятость в сельскохозяйственных кооперативах;
- была введена система рационирования жизненно необходимых продуктов питания и вещей в городах (принцип «данвэй»), т.е. зерно, соевое масло и одежда, которые субсидировались государством, распределялись централизованно через предприятия;
- в городах создавались общественные службы медицинского обеспечения, образования, строительства домов;
- службы экстренной социальной помощи появились в городах и деревнях;
- была введена система страхования государственных рабочих и служащих, предоставлялись пенсии по старости, медицинское обслуживание и разовые выплаты¹.

Как видно, в начальный период система социального обеспечения охватывала прежде всего жителей городов. Сельское население было вынуждено самостоятельно решать возникавшие проблемы. В тот период соцобеспечение являлось «многоярусным».

Следующий, более высокий уровень соцобеспечения охватывал городских и сельских жителей, которые не были в состоянии работать или получать помощь от родственников. Но наиболее качественным и эксклюзивным соцобеспечением пользовались государственные служащие и правительственные чиновники. Им предоставлялись пенсии, бесплатные квартиры и медицинское обслуживание. Тогда же власти начали внедрять систему *хукоу*, согласно которой проходила регистрация всех граждан Китая по определенному месту жительства и вводились специальные удостоверения личности, предписывавшие гражданам определенный род занятий. Так, были сельские (*нунъю хукоу*) и несельские *хукоу* (*фэйнунъю хукоу*). Те, кто получал сельские *хукоу*, могли заниматься крестьянским трудом и были приписаны к определенным деревням, не имея права свободного переезда в города. Граждане с несельскими *хукоу* жили в городах, там же им давали работу, жилье и оказывали государственную социальную помощь. Соответствующие *хукоу* были необходимы для получения индивидуальной социальной помощи, которую предоставляли местные власти². Обладателям городских *хукоу* гарантировалась занятость, сопровождаемая «железной миской риса», жильем, медобслуживанием и выплатой пенсии в старости. Жители деревень не пользовались соцобеспечением, что уже тогда вызывало расслоение в китайском обществе. В 1950-е гг. вла-

сти старались не допускать миграции сельских жителей в города. В этом им помогала система *хукоу*, фактически привязывающая население к определенному месту жительства и роду занятий.

Хотя китайская система соцобеспечения вызывала критику за рубежом за ее недостатки, ограниченность в предоставлении социальных гарантий и дифференцированный подход к городским и сельским жителям, но в целом она хорошо функционировала при централизованной плановой экономике. Большинство китайского населения было ею довольно, что позволяло постепенно поднимать жизненный уровень населения, преодолевать неграмотность и устанавливать сравнительно равные жизненные стандарты.

Первая фаза реформы социальной системы: от государственного обеспечения к самообеспечению

В начале 1980-х гг. китайская социальная система подверглась реформированию. Реформа стала вынужденным ответом властей на проходившие в стране экономические преобразования и изменение условий социально-экономической жизни и работы трудящихся. Наряду с этим назрела реформа предприятий, которые надо было высвободить от непосильного бремени, связанного с принципом «данвэй», от чего прежде всего страдали крупные промышленные предприятия, где работали тысячи рабочих. Всеобъемлющее обеспечение работающих на госпредприятиях включало не только расходы на их социальные нужды, жилье и выплату пенсий, но и на содержание различных социальных учреждений, например детских садов.

На первом этапе экономических преобразований в городах стояла задача отделить государственные предприятия от правительственной финансовой системы с тем, чтобы они сосредоточились не только на выполнении госзаданий по производству продукции, но и на получении прибыли. В результате управляющие стали увольнять пожилых рабочих, что в какой-то мере помогало повысить производительность труда и снизить себестоимость продукции. С другой стороны, это привело к увеличению финансовых расходов на выплату пенсий.

Увеличение числа пенсионеров в начале 1980-х гг. было связано не столько со старением населения, сколько с тем, что родители могли оставлять свои рабочие места в пользу своих безработных детей, что получило название «дин ти». Впервые система «дин ти», введенная в 1953 г., предоставляла право одному из совершеннолетних детей занять рабочее место родителя, оставившего работу по причине внезапной смерти, продолжительной болезни или ухода на пенсию. В 1978 г. по указу Госсовета КНР это право распространилось на всех работников государственных учреждений и предприятий, которые стали широко им пользоваться. Однако уже в 1981 г. система подверглась резкой критике, поскольку вызвала большой приток малоквалифицированных рабочих. Поэтому для поступающих на работу по системе «дин ти» были введены проверки

физических и умственных способностей, а в сентябре 1981 г. система была отменена, но в видоизмененной форме просуществовала до 1986 г., когда стал распространяться найм по контракту³.

В связи с возрастающим социальным напряжением центральные и местные власти пытались снизить давление образовавшейся безработицы. Руководители предприятий считали, что необходимо «разделить течение на рукава», т.е. явную безработицу перевести в скрытую, «полную безработицу» — в неполную, так как в этом случае безработица психологически легче переносится⁴.

Наряду с изменением порядка трудоустройства изменилась и система *хукоу*. В 1984 г. правительство огласило постановление о том, что жители страны могут самостоятельно обеспечивать себя продовольствием, не прибегая к помощи предприятий, где они работают. В следующем году были введены новые удостоверения личности, на основе которых получали временную работу в городах и соответственно пользовались теми же льготами и медицинскими услугами, которые были у постоянных рабочих. Это дало толчок к появлению особого социального слоя — «и рабочий, и крестьянин». Иными словами, крестьянам позволялось временно трудиться в городах, а затем возвращаться в деревню. Таким путем власти попытались уменьшить безработицу в деревнях.

В конце 1980-х гг. администрация многих городов начала продавать свои *хукоу* потенциальным мигрантам из деревень. Критерии отбора нужных рабочих из крестьян варьировались в разных районах и городах. Так власти пытались избежать самодеятельности при миграции деревенских жителей в города и направлять их туда, где предприятия действительно нуждались в притоке новых сил⁵.

Однако среди местных чиновников это вызвало волну коррупции и различных злоупотреблений, стали возможны случаи, когда потерявшие место рабочие и нетрудоустроенные в городах крестьяне организовывали сообщества, занимавшиеся противоправной деятельностью. Seriously озабоченные власти часто прибегали к жестким мерам наказания при ликвидации преступных элементов.

Социальную ситуацию в стране усугубляло также и то, что бездействовали профсоюзные организации. У них не было реальных возможностей, чтобы защитить увольняемых. К тому же в ходе реформирования государственных предприятий и сокращения штатов была частично разрушена старая система функционирования профсоюзов, руководство новых предприятий не спешило их создавать.

К 2001 г. свыше 100 млн. рабочих и служащих не являлись членами профсоюзных организаций⁶. Несогласованная деятельность профсоюзов и отсутствие их на многих новых частных и смешанных предприятиях с иностранным капиталом приводили к серьезным нарушениям прав трудящихся и самоуправству владельцев предприятий, что также вызвало социальные конфликты.

Введение в июне 1986 г. контрактного трудоустройства повлекло за собой упразднение системы пожизненного найма. С того времени у китайских рабочих, устраивавшихся на госпредприятия, не было никакой га-

рантии, что они смогут здесь длительно трудиться, как это было раньше. Поэтому в 1986 г. правительство ввело систему страхования от риска потери рабочего места. Предполагалось, что к началу 1990-х гг. эта система охватит все госпредприятия, но ее внедрение шло очень тяжело, поскольку затрагивались коренные интересы трудящихся⁷. Система контрактов, предусматривавшая меньший объем социальных благ для вновь поступающих на работу, поставила молодое поколение в еще более неблагоприятные условия по сравнению с их старшими коллегами. К тому же в условиях действующей системы отчислений в объединенный фонд социального страхования именно молодые рабочие подвергались более жесткому налогообложению. Итак, надежды, возлагавшиеся на систему трудовых контрактов, не оправдались прежде всего по двум причинам: во-первых, доля работников, нанятых по трудовым контрактам, в общей численности занятых увеличивалась медленно. Предприятия, получившие возможность самостоятельно принимать решения о найме, старались не брать на работу высокооплачиваемых контрактников, им были финансово выгоднее временные люди, занятые на вспомогательных работах без социальных гарантий (выходцы из деревень); во вторых, параллельность существования пожизненной занятости и занятости по системе трудовых контрактов не приводила к ожидаемому увеличению производительности труда. Рабочие-контрактники в правовом отношении были на равном положении с постоянными рабочими и в своем отношении к труду равнялись на них.

В результате реформ городские предприятия трансформировались из «социально-экономических организаций» в просто «экономические предприятия». Их роль поставщика различных социальных услуг постепенно снижалась. С конца 1980-х гг. городские коммуны стали предоставлять социальную помощь гражданам, которые постоянно проживали на территории определенных городских кварталов. Иными словами, в городах функции социального обеспечения перешли от предприятий к местным органам власти.

В этот период правительство и местные органы власти уделяли большое внимание ценообразованию, оказывая сдерживание роста цен на товары широкого потребления. Тем не менее со второй половины 1986 г. наметился их рост на промышленные товары длительного пользования — велосипеды, черно-белые телевизоры и электробытовые товары. В розничной торговле цены выросли в среднем на 6%, на продовольствие — 7,4%, топливо — 4%⁸. Основную причину этого явления китайские экономисты объясняли увеличением стоимости промышленного сырья. Однако вместе с тем повысился уровень потребления населением продовольствия и промтоваров, хотя покупательная способность населения росла не во всех регионах. Так, в наиболее экономически развитых восточных провинциях повышенным спросом пользовались бытовые предметы длительного пользования, а в экономически отсталых западных регионах — продукты питания. В результате продолжился рост дифференциации материального положения не только городского и сельского населения, но и восточных развитых и западных депрессивных районов.

Итак, в 1980-е гг. реформа системы социального обеспечения охватила, главным образом, города, способствуя сглаживанию социального дисбаланса, вызванного проведением экономических преобразований.

В 1990-е гг. социальная система обеспечения в городах претерпела фундаментальные изменения, что было вызвано усилением зависимости китайской экономики от глобальной экономической системы.

Упразднение старой распределительной системы, уравнивавшей ее получателей одинаковым набором продовольствия и одежды, означало, что государство не будет далее субсидировать продовольствие и другие жизненно необходимые товары для городских жителей, они должны будут сами приобретать все по рыночным ценам. До экономических реформ правительство проводило политику полной занятости населения. Уровень безработицы значительно снизился. Увольнения рабочих стали большой редкостью и касались только государственных предприятий в городах. С началом реформ правительство взяло курс на проведение рыночной политики в отношении трудоустройства своих граждан. В результате трудовая занятость в городах перестала регулироваться государством. Принцип постоянного трудоустройства был заменен контрактной системой.

В 1991 г. власти вновь вернулись к реформе системы трудовых контрактов. В феврале 1992 г. Министерство труда КНР приняло решение о введении «системы трудовых контрактов для всего коллектива». С того времени могли заключаться контракты и с неограниченным сроком действия, если это было целесообразно для производства.

Реформа труда и связанные с нею реформы заработной платы и социальная (социальное страхование при окончании трудовых отношений, пособие по безработице) были законодательно закреплены в «Законе о труде», вступившем в силу 1 января 1995 г. Новым явилось то, что этот закон распространился в равной степени на все предприятия независимо от форм собственности, т.е. касался всех трудовых отношений. Глава 3 «Закона о труде» посвящена законодательному оформлению трудовых контрактов, которые являются обязательными в равной мере как для предприятий, так и работников. Более подробно изложены положения, которые регулируют заключение, содержание, срок и возможности окончания действия контрактов, а также их расторжение⁹.

В «Закон о труде» были включены меры по защите работников. К ним относятся запрет дискриминации по половому и национальному признаку, введение положения о защите отдельных групп работников (молодежи, женщин) и установление размеров минимальной заработной платы. Это касалось также частного сектора и предприятий, основанных на иностранном капитале.

Центральные власти пересмотрели «Закон КНР о профсоюзах», принятый в 1950 г. Новая его редакция опубликована в 1992 г. В текст закона было внесено около 40 поправок. Его содержание доработали в свете новых социально-экономических условий и требований к нанимаемой рабочей силе.

Новая редакция «Закона КНР о профсоюзах» позволила повысить ответственность профсоюзов в деле защиты законных прав и интересов

наемных рабочих и служащих. Усилилась роль демократических форм управления предприятиями, в частности собраний представителей рабочих и служащих, расширились функции профсоюзов при осуществлении коллективных договоров. Были упрощены условия создания профсоюзов на предприятиях, уменьшено количество работников, необходимое для организации профсоюза. Внесенные изменения гарантировали законодательную поддержку профорганизациям. Согласно новой редакции «Закона КНР о профсоюзах» трудящиеся получили возможность обращаться с жалобами в соответствующие органы власти¹⁰.

В пенсионную систему китайские власти ввели страхование на государственных предприятиях. Причем страховочные суммы вносили как сами работающие, так и их работодатели. Накопленные суммы каждым работающим являлись его пенсионным взносом и должны были влиять на объем будущей пенсии. К 1999 г. 30% работающих было охвачено социальным страхованием — значительно меньше, чем предполагалось. Однако с введением новой системы страхования на предприятиях возможности социального обеспечения существенно снизились. Например, страховой фонд по безработице был рассчитан на 2 млн. чел. и не мог обеспечить 10—12 млн. безработных и лишившихся работы, но пока числившихся на госпредприятиях (сяган)¹¹. Ввиду убыточности и банкротства многих госпредприятий стали сокращаться выплаты в эти фонды. В середине 1990-х гг. в Шэньяне, например, 80 обанкротившихся предприятий перестали перечислять средства в пенсионный фонд, медицинской помощи и по безработице. Забота о пенсионерах, безработных легла на местные власти уездов, что зачастую приводило к приостановке выплаты пенсий и различных пособий. В конце 1990-х гг. задерживалась выплата пенсий 3,6 млн. пенсионеров. Миллионы рабочих и служащих не получали средств по линии медицинского страхования и в случае безработицы¹². С введением модели «собственного вклада» в соцобеспечение ранее привилегированные граждане оказались перед лицом полукommerческой медицины.

До экономической реформы в Китае считали большим достижением систему социальной помощи нетрудоспособным горожанам или не имевшим помощи от родственников. С началом экономической реформы социальная поддержка охватила большее число нуждающихся городских семей, чей уровень жизни был ниже определенного порога бедности¹³. Ранее строительство многоэтажных жилых домов в городах и распределение квартир находилось в ведении государственных органов власти, что подразумевало централизованное финансирование строительства и общественное распределение этого жилья среди рабочих госпредприятий и госслужащих. Квартиры предоставлялись бесплатно при очень низкой оплате текущих платежей. С началом реформ распределение жилья было переведено на коммерческую основу. Государство и граждане совместно вкладывали средства в строительство домов, в которых квартиры затем продавались по коммерческим или близким к ним ценам¹⁴. Более того, если ранее государство финансировало дома для престарелых, немощных и сирот, то с началом соцреформы стало поощрять частных

лиц в оказании поддержки и посильной помощи таким социальным учреждениям, и финансирование инфраструктуры городов перешло в ведение городских коммерческих организаций.

После 1992 г. система *хукоу* также претерпела изменения: ослабился контроль за миграцией населения из деревень. Администрации больших мегаполисов, например Шанхая, Пекина и Шэньжэня, позволялось предоставлять *хукоу* с «голубым штампом» тем мигрантам, уровень образования и квалификационные навыки которых соответствовали необходимым требованиям для работы на иностранных предприятиях или СП с участием иностранного капитала.

Правительство ввело в 1997 г. пилотный проект, приспособивший систему *хукоу* к новым экономическим запросам общества: городским властям позволялось предоставлять *хукоу* тем мигрантам из сельской местности, которые имели официальное место жительства и постоянный доход в небольших и средних городах. Это делалось для того, чтобы снизить наплыв мигрантов в крупные мегаполисы, в которых, напротив, ужесточались требования к мигрантам, желающим получить право на постоянное проживание. Однако эти меры не останавливали тех, кто стремился попасть в крупные города.

Ослабление системы *хукоу* привело к тому, что в Китае появилась так называемая «плавающая популяция», которая в 1990 г. насчитывала более 70 млн. чел. (19,2 млн. чел. с изменением места регистрации и более 50 млн. чел. без изменения) и мигрировала по стране в поисках работы¹⁵. Возросли показатели официальной безработицы — в 1999 г. она составила 3,2%.

Рабочие-мигранты — это бывшие в недалеком прошлом крестьяне без какой-либо квалификации, малограмотные, но готовые трудиться ненормированный рабочий день за минимальную оплату труда, которая могла составлять менее 100 дол. (800 ю.) в месяц. Нередко заработанные деньги за вычетом различных штрафов выдавались год спустя после начала работы. Такое положение дел на внутрикитайском трудовом рынке позволяло сохранять низкую стоимость труда, что в свою очередь помогало поддерживать конкурентоспособность китайских товаров на мировых рынках. В 1990-е гг. китайские госпредприятия оставались экономически убыточными, поскольку лишние рабочие фактически не увольнялись, а находились на положении «сяган». Их перевод на другую работу был затруднителен, хотя некоторым удавалось устроиться на частном предприятии. Такая ситуация вызывала озабоченность китайского правительства, но решение проблем выходило за рамки задач 8-й и 9-й пятилеток.

Система социального обеспечения в сельских районах

До введения социальных реформ в сельских районах не было никакой пенсионной системы. Система социальной помощи была распространена по пяти направлениям (*у бао ху*) — помощь в обеспечении одеждой, питанием, топливом, медицинское обслуживание и содействие в погребении.

В 1980-е гг. в богатых деревнях ввели пенсионную систему, которая копировала уже существовавшую в городах. Помощь была гарантирована пожилым людям, не получавшим какой-либо материальной поддержки от своих родственников. Кроме того, власти позволили на местах создавать различные финансовые фонды (кассы взаимопомощи), деньги которых могли быть использованы и на другие цели социального обеспечения¹⁶.

Ранее медицинское обслуживание в деревнях финансировалось из средств коллективных хозяйств. В результате социальной реформы оно было заменено частной медицинской практикой.

В целом на тот период в городах и сельской местности наметилось четыре генеральных направления: социализация социальной системы обеспечения населения, повышение степени избирательности предоставления соцпомощи, изменения в идеологии ее предоставления и изменение основных целей, а значит, и получателей социальной помощи¹⁷.

3. Преодоление негативных явлений в социальной жизни страны

Китайские политики и экономисты подчеркивают, что в ходе экономических реформ произошло значительное снижение численности бедного населения. Так, в 1978 г., когда реформа только стартовала, в китайских городах и деревнях проживало 250—300 млн. чел., или 31% всего населения страны, которым были недоступны в полном объеме продукты питания и предметы первой необходимости. Ежегодный душевой доход этих слоев китайского населения был равен 100 ю. и ниже. Это была огромная масса населения, жившая в нищете и не имевшая никаких перспектив вырваться из такого положения: в деревнях более 31% нищих, в городах — 20%.

В начале 1980-х гг. благодаря внедрению семейного производственного подряда, прежде всего в сельской местности, численность бедняков значительно сократилась. В 1985 г. в ходе развития экономики в регионах была определена «черта бедности» — 206 ю. годового дохода на душу населения: оказавшихся ниже установленной правительством «черты бедности» составило 125 млн. чел., или 14,8% всего населения. К концу 1980-х гг. численность бедняков сократилась до 30 млн., или 4% населения Китая¹⁸. Понятно, что официальная китайская статистика несколько завышала показатели роста благосостояния, тем не менее столь значительное сокращение этого показателя свидетельствовало о правильности выбранного курса.

Не останавливаясь на достигнутом, в 1994 г. китайское правительство приступило к реализации новой программы помощи бедным. «Черта бедности» была повышена до 400 ю. ежегодного дохода, вследствие чего число попавших в этот разряд несколько возросло и составило 81 млн. чел., или 8,8% населения страны. В 1999 г. критерий бедности был вновь пересмотрен и составил 625 ю. на душу населения. С учетом этого показателя в китайских деревнях проживало 30 млн. бедных, что равнялось 3,7% от всего сельского населения¹⁹. По мнению китайских ученых, значительная

часть из 30 млн. бедняков — это лица, утратившие трудоспособность по инвалидности или старости. Другую часть составили крестьяне, проживавшие в местах со сложными природными условиями. В отношении их наиболее эффективной стала политика оказания помощи со стороны местных органов власти и общественных организаций.

Китайские ученые и политики вынуждены были открыто признать, что, начиная с 1990-х гг. по мере активного перехода к рыночной экономике и модернизации промышленных предприятий, в городах обострились старые и появились новые экономические и социальные конфликты. Их причиной стало появление прослойки бедных людей, оказавшихся безработными из-за сокращений на госпредприятиях. Численность безработных в городах, включая членов их семей, была 15—20 млн. чел. В 1999 г. официальный уровень безработицы составлял 3,1%, ниже, чем в 1978 г. (5,3%). Однако в данном показателе не учитывалась численность рабочих и служащих, потерявших работу в результате реструктуризации государственных предприятий (сяган), но продолжавших числиться на этих предприятиях. По мнению китайских ученых, реальный уровень безработицы 7,6% был выше показателя 1978 г.²⁰ В то же время численность бедного населения в деревнях сократилась, однако общая его численность составляла более 50 млн. чел., или более 5% всего населения Китая. Хотя в конце 1990-х гг. уровень социального развития Китая в целом и приблизился к среднемировому, но показатели внутренних районов были значительно ниже и отличались неравномерностью. Так, комитет ООН по планированию и развитию (ПРООН) рассчитал индекс социального (человеческого) развития Китая в 1997 г. по четырем показателям: продолжительность жизни, доля грамотных среди взрослого населения, число учащихся и расчет ВВП на душу населения. В списке из 174 стран и регионов Китай занял 98-е место, но уровень развития многих китайских провинций значительно разнился: пров. Ляонин была на 96-м месте, пров. Цзилинь — на 98-м, а пров. Хэйлунцзян — на 56-м²¹.

Результатом таких региональных диспропорций было то, что рядовые китайцы ощущали на себе не только положительные изменения в образе жизни, но все чаще сталкивались с различием в доходах разных слоев населения. Это явилось причиной сезонной или постоянной миграции трудоспособного населения страны из депрессивных в развитые регионы.

В 1994 г. китайское правительство сначала экспериментально, а с 1997 г. повсеместно стало вводить систему «гарантированного прожиточного минимума», т.е. семьи, доход которых в расчете на каждого члена не достигал установленного минимума, должны были получать денежную помощь. К сентябрю 1999 г. эта система включала 668 городов и 1638 уездных центров²². Тогда же вступило в силу «Положение о гарантированном прожиточном минимуме городского населения», которое первоначально охватило 5,5 млн. чел. Для поддержания жизни этой категории бедняков китайское правительство в 1999 г. приняло постановление о «Двух уровнях обеспечения», содержание которых сводилось к «обеспечению основных жизненных условий уволенных рабочих и служащих» и «обес-

печению пенсионных выплат в срок и в установленном размере вышедшим на пенсию служащим предприятий»²³. Это постановление формально гарантировало сохранение дохода уволенных и вышедших на пенсию работников предприятий, но на практике в большинстве случаев не выполнялось. Не каждое предприятие могло позволить себе производить отчисления на пособия бывшим работникам, поэтому социальное напряжение в городах еще более обострилось.

Основные итоги реформы социального обеспечения в 1979—1999 гг.

Самая важная черта социальной реформы состояла в социализации системы соцобеспечения. Новая система была направлена главным образом на нужды малообеспеченных китайских граждан. В результате реформы каждый трудящийся был обязан платить за свое социальное обеспечение, как и за многие другие виды помощи, которые ранее оплачивались из государственных фондов. Государственные, кооперативные или частные предприятия перестали выполнять функции прямого социального обеспечения. Их традиционная роль распределителей различной социальной помощи перешла к местным коммуналам.

Реформа социального обеспечения трансформировалась из универсальной в избирательную модель социальной помощи. Новая система нацелена на помощь только самым бедным и нуждающимся.

Традиционная китайская система социального обеспечения основывалась на социалистической идеологии, которая подразумевала, что социальная защита и социальное равенство являются основополагающим принципом. С началом реформы изменилась идеология предоставления помощи. В последующее время приоритет был отдан экономической эффективности в ущерб социальной справедливости. Основные результаты реформирования показали, что китайское правительство взяло курс на поддержание рыночных принципов хозяйствования. Роль государства и государственных предприятий как источников социальной помощи сократилась, и на первый план вышли местные сообщества и негосударственные организации, поощряемые правительством путем вменения им щадящих налогов или освобождения от таковых на длительный срок.

Трудовые конфликты, рост дифференциации заработной платы и других доходов занятого населения, недостаточность социального обеспечения и страхования были обусловлены бурным развитием рыночных отношений. Эти и многие другие проблемы и противоречия современного Китая возникли в результате интенсивного претворения в жизнь стратегии экспортной ориентации и генеральной установки на скорейшее превращение страны в ведущую державу мира. Итоги экономического развития страны показывают, что их невозможно оценивать как однозначно положительные. Цена, которую заплатило китайское общество за форсированные темпы экономического роста, оказалась чрезмерно высокой.

- ¹ Guan Xinping. Social Welfair Reform in China: The Impact of Globalization // Contemporary China. The Dinamic of Change at the Start of the New Millenium / Ed. by P.W. Preston & Jurgen Haacke. L. — N. Y.: Routledge-Curson, 2003. P. 114.
- ² Shahid Yusuf, Kaoru Nabeshima. China's Development Priorities. Wash.: World Bank, 2006. P. 56.
- ³ Davis D. Unequal Chances, Unequal Outcomes: Pencion Reform and Urban Unequality // China Quarterly. L. 1988. No. 114. P. 234—235.
- ⁴ Ван Айвэнъ. Гуаньюй вого шие гуаньли тичжи-ды чубу гоусян (Предварительные соображения по системе управления безработицей в Китае) // Нанькай цзинцзи яньцзю. Тяньцзинь, 1990. № 2. С. 11.
- ⁵ Guan Xinping. Op. cit. P. 115.
- ⁶ Хуа Шэн, Чжэн Сюецзюнь, Ло Сяопэн. Чжунго гайгэ шинянь: хуэйгу, фаньсы хэ цяньцзин (10 лет китайских реформ: ретроспектива, осмысление и перспективы) // Цзинцзи яньцзю. Пекин, 1988. № 11. С. 12.
- ⁷ Fan C. Cindy. Migration in China: A Review of Ricent Findings and Policy Recommendations. Prepared for the 11th 5 year plan of China. Wash.: World Bank, 2004. P. 43.
- ⁸ Davis D. Op. cit. P. 235.
- ⁹ Емельянова Т.М. Китайские профсоюзы в новом столетии // Китай: новые горизонты реформ. М.: ИДВ РАН, 2005. Вып. 19. Ч. 1. С. 121.
- ¹⁰ Актуальные вопросы социально-политической жизни КНР: Экспресс-информация. М.: ИДВ РАН, 1999. № 11. С. 74—75.
- ¹¹ Емельянова Т.М. Китайские профсоюзы... С. 124.
- ¹² Наумов И. Экономическая реформа в Китае: нарастание социальных проблем // Проблемы Дальнего Востока. М., 1999. № 1. С. 82.
- ¹³ Экономика КНР на переломе веков: Информ. материалы. М.: ИДВ РАН, 2001. Вып. 17. С. 12.
- ¹⁴ Дандай Чжунго юй людун (Социальное расслоение и мобильность в современном Китае) / под ред. Ли Цян. Пекин: Чжунго цзинцзи чубаньшэ, 1999. С. 230—231.
- ¹⁵ Лю Минхуэй и Чэнь Цзюньхуэй. Шэхуэй баочжань лилунь цзици гайгэ шицзянь (Теории соцобеспечения и их практическая реализация). Харбин: Дунбэй цайцзинь дасюе, 1998. С. 214.
- ¹⁶ Park, Albert. Rural-Urban Inequality in China. Wash.: Wold Bank, 2004. P. 45.
- ¹⁷ Островский А.В. Пятая всекитайская перепись населения КНР (2000 г.) — основные итоги // Китай: новые горизонты реформ. М.: ИДВ РАН, 2005. Вып. 19. Ч. 1. С. 133.
- ¹⁸ Го Шичжэн и Ге Шоуган. Чжунго шэхуэй баосянь гайгэ юй яньюй (Реформы и исследование китайской социальной системы). Шанхай: Цайцзинь дасюе чубаньшэ, 1998. С. 219.
- ¹⁹ Ли Пэйлин. Чжунго шиган чжуаньсин чжун-дэ шэхуэй фэньсянь (Социальное расслоение в рыночной экономике Китая). Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 1993. С. 118.
- ²⁰ Ван Мэнкуй и др. Экономика Китая: сб. ст. Пекин: Межконтинент. изд-во Китая, 2005. С. 158, 161. Пер. с кит.
- ²¹ Экономика КНР на переломе веков: Информ. материалы. С. 11.
- ²² Чжунго тунцзи няньцзянь. 2000 (Статистический ежегодник Китая. 2000). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2000. С. 214.
- ²³ Ван Мэнкуй и др. Экономика Китая... С. 171.

SUMMARY: The article of Dr. Larisa Zabrovskaya "The Reform of the Social Welfare System in China during the 1979—1999" is devoted for study a new trends of social welfare system in China. The author analyzes results of the economic reforms and underlines that China's social welfare reforms provided an example of how joining the globalising economy created social problems in a developing country which may then be forced to transform its social policy.